

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вместо предисловия	6
От автора	11
Глава 1. Проникновение	15
Глава 2. Операция «Старик», она же «Утка»	26
Глава 3. Любовь — высшая степень переживаний	54
Глава 4. Вклад в Победу через океаны и моря	91
Глава 5. Смена «крыши»	124
Глава 6. Из Рио-де-Жанейро в Москву	164
Глава 7. Продолжение легенды	199
Глава 8. Наш человек в Ватикане	212
Глава 9. Внедрение к «Нерону»	240
Глава 10. Посол чужой страны	288
Глава 11. Особое поручение	350
Глава 12. Апеннины — дело тонкое	406
Глава 13. Лихая судьба нелегала	440
Глава 14. Преждевременный отзыв из Рима	459
Глава 15. Возвращение к своему имени	467
Эпилог	525
Примечания	527
Список книг, написанных И. Р. Григулевичем	542

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

В новой книге Владимира Чикова рассказывается о «человеке с тысячью лиц», имя и длительная работа которого в тринадцати странах мира скрывались от общественности почти полвека, а его личное дело хранилось за семью печатями в стальных сейфах НКВД — НКГБ — МГБ — МВД — КГБ СССР. И только после смерти было обнаружено, что этот уникальный человек был великим советским разведчиком. Впрочем, почему был? По словам известного английского писателя Джона Ле Карре, «великие разведчики не умирают никогда». Еще определеннее отозвался о нем бывший руководитель КГБ СССР Юрий Андропов: «Иосиф Ромуальдович Григулевич — это вершина советской разведки, достичь которой способны лишь те, кто отмечен и избран Богом».

Перу писателя Владимира Чикова принадлежит несколько книг о советских бойцах «невидимого фронта». Полковник в отставке, он сам много лет работал в органах госбезопасности и потому неслучайно новое его произведение — это наиболее полный и беспристрастный рассказ о легендарном советском нелегале Иосифе Григулевиче. Его участие в разведдеятельности началось в Испании рядом с такими асами, как Берзин, Орлов, Сыроежкин и Эйтингон. Позже стало ясно, что он во многом их превзошел. За два года до начала войны Григулевич по заданию московского разведцентра переехал в Латинскую Америку. По добываемым им самим «железным» документам его нелегальная деятельность продолжалась под самыми разными именами и фамилиями: Фелипе и Мануэль Родригес Бруксбанк в Мексике, Альмейда Прадо Агамемнон в Уругвае, Хулио Бенитес в Чили, Луис Фальконе и Дэвид Давидсон в США, Мануэль Деликадо в Боливии, Хосе Ротти в Аргентине, Тронкосо Инес в Бразилии, Молина Миранда Антонио на Кубе и Теодоро Бонефиль Кастро в Коста-Рике.

Во всех этих странах его принимали за своего соотечественника. Наверное, потому, что Григулевичу была свойственна присущая латиноамериканцам легкая раскованность и особая внешность — смуглая кожа, иссиня черные волосы, темные глаза (караимские гены). И не только это, а еще и умение пользоваться своеобразным «кодом переключения», то

есть способность вживаться в новую для него национальную среду, свободно входить в новую для себя роль, что позволяло ему с одинаковым успехом выдавать себя за аргентинца и уругвайца, за кубинца и мексиканца, за боливийца и чилийца, за бразильца и костариканца. А поскольку он в те годы не являлся еще гражданином СССР, то ему не приходилось раздваиваться и выкорчевывать из себя все то советское, — привычки, образ мыслей, поведение, — что могло вызвать подозрение. Когда же он выходил на встречу с агентом — будь то на площади Мурильо в Ла-Пасе или на бульваре Артигас в Монтевидео, — Григулевича было невозможно отличить от местных жителей, — во внешнем его облике поражало отсутствие каких-либо характерных, запоминающихся черт. Самой лучшей маскировкой для него была естественность манер и поведения, то есть он всегда и везде был естественным, неброским и расчетливым.

Вот эта врожденная способность незаметно сливаться с окружающими людьми, умение расположить к себе, знание десяти иностранных языков, склонность к авантюризму, который является неопределимым качеством каждого нелегала, острый аналитический ум, феноменальная память, математический точный просчет различных вариантов действий и возможных последствий от них, способность мгновенно принимать нестандартные решения в опасных ситуациях, изобретательность, хладнокровие и высокая конспиративность — все это вместе взятое и позволяло Иосифу Григулевичу добывать ценнейшую политическую информацию и при этом не «засветиться» за семнадцать лет работы за кордоном.

Успешная разведывательная деятельность Григулевича поражала коллег по службе: какое бы задание не поручали, он всегда выполнял его. Без напоминаний и указаний Центра он знал, что актуально, а что нет, какая внешнеполитическая проблема требует дополнительного освещения, а какая в этом не нуждается.

Вне всякого сомнения Григулевич был и остается профессионалом высшей пробы. Достаточно сказать, что он завербовал около двухсот агентов по всему миру! Для него никогда не было барьеров. Его способность адаптироваться, впитывать культуру и традиции разных народов была поразительна.

Оказавшись в Италии как гражданин Коста-Рики, Теодоро Кастро-Григулевич обратил на себя внимание видных политических деятелей этой страны, которые приезжали в Рим. Им нравился оборотистый соотечественник, и ему предложи-

ли организовать поставку крупных партий кофе в Европу. Все складывалось настолько удачно, что через некоторое время он стал чрезвычайным и полномочным послом Коста-Рики в Италии, Ватикане и Югославии. Это само по себе поразительно. Ни до, ни после него в истории не было случая, чтобы разведчик-нелегал возглавил посольство. Да не своей страны, а чужой. И не в одном государстве, а сразу в трех.

Да, советские разведчики могли многое: они вербовали в разных странах мира и в разное время министров, послов, высокопоставленных чиновников из ближайшего окружения президентов, внешнеполитических ведомств и спецслужб противника. Но чтобы советский нелегал стал послом чужой страны, да еще в Италии и по совместительству в Ватикане и Югославии — это было настолько невероятно, что ни у кого тогда не укладывалось в голове. Особенно поражало, что Григулевич настолько вошел тогда в доверие к Папе Римскому Пию XII, что был восемнадцать раз принят им и получил из его рук за заслуги перед католической церковью орден Мальтийского креста.

Кстати, следует заметить, что Григулевич был настолько зашифрован, что даже советский посол в Италии Михаил Костылев в информации для МИДа охарактеризовал Теодоро Кастро как «реакционера и открытого недруга СССР». А министр иностранных дел Андрей Вышинский назвал его в своей речи на VI сессии Генеральной Ассамблеи ООН (ноябрь 1951 года) «цепным псом империализма».

Григулевича не раз пытались завербовать, но из этого ничего не вышло. Карьера костариканского посла, разведчика-нелегала складывалась весьма удачно, но через некоторое время его отозвали с Апеннинского полуострова и совершенно неожиданно уволили из разведки. Пришлось ему в сорок лет начинать жизнь заново. Но одно дело сменить легенду, другое — расстаться со своим призванием. Если прежде Григулевич менял лишь роли, оставаясь разведчиком, то теперь ему предстояло расстаться с главным делом жизни. Думаю, он сумел себя не потерять потому, что служил не только государству, но и идее. Ему предложили тогда работу в Комитете по культурным связям с зарубежными странами. И он с прежней энергией стал налаживать официальные контакты с иностранными общественными и политическими деятелями, с представителями науки и культуры. Стал вице-президентом обществ дружбы с Мексикой, Венесуэлой и Кубой, участ-

вовал в работе многочисленных международных конференций и конгрессов.

Удивительно, но факт: признание и известность соотечественников он получил не в той области деятельности, в которой ему не было равных и в которой он уж точно заслужил звание Героя Советского Союза или России — по нынешним временам и стандартам. После службы в разведке Григулевич нашел себя в науке. Его безоглядная самоотдача не имела ничего общего с аскетизмом или жертвенностью. Он умел получать высшее удовлетворение от творческой работы. Защитил кандидатскую диссертацию, потом докторскую, стал членом-корреспондентом Академии наук СССР. Крупнейший специалист по истории католицизма, лучший знаток Латинской Америки. Плюс к тому — автор трех десятков книг, главный редактор и член редколлегии нескольких журналов, научных сборников и ежегодников.

Мне как бывшему руководителю нелегальной разведки нелегко отойти от личных оценок этой книги. Главное и бесспорное достоинство ее — в документальной достоверности, в простоте и точности языка, в отсутствии литературных «красивостей» и излишних подробных описаний, которые иногда вызывают только недоверие.

Упомянутые в произведении действующие лица — невыдуманные герои, лишь некоторым из них автор дал вымышленные имена и клички, чтобы нельзя было их узнать. Всё остальное — события в мире и нашей стране, складывавшиеся обстоятельства, общественно-политические процессы, места действия разведывательных операций — было и дает возможность читателю увидеть большой срез прожитого времени.

Особая притягательность книги «Наш человек в Ватикане» — в искренности и заинтересованности автора показать правду жизни. Эта заинтересованность, которая ощущается в каждой фразе, в каждой интонации и даже в расшифровке специфических в разведке терминов, псевдонимов бывших руководителей и сотрудников управления «С», создает внутреннюю связь читателя с автором и не позволяет ни на минуту утратить интерес и доверие к повествованию, хотя в нем нет ни погонь на машинах, ни пальбы из пистолетов. Все дело, очевидно, в том, что автор и герои его книги — люди одной Системы и что они единомышленники. Отсюда та подкупающая искренность, доверительность, с какой писатель Владимир Чиков рассказывает об уникальном советском развед-

чике-нелегале Иосифе Григулевиче. И поскольку речь идет о подлинных событиях и действующих лицах, выведенных на страницах книги под собственными именами, надеюсь, они подтвердят общеизвестную аксиому о том, что правда жизни интереснее и важнее вымысла и может быть не менее захватывающей, чем художественная проза.

*Юрий Дроздов, генерал-майор в отставке,
начальник управления «С» (нелегальная разведка)
ПГУ КГБ СССР в 1979-1991 годы.*

Великие разведчики не умирают никогда.

Джон Ле Карре

ОТ АВТОРА

Рудольф Абель, Рихард Зорге, Конон Молодой, Дмитрий Быстролетов, Лев Маневич — эти имена давно уже на слуху и стали символом успехов советской нелегальной разведки. Широкая известность пришла к ним в результате провалов: к одним — в силу рокового стечения обстоятельств, к другим — из-за предательства кого-то из своих коллег или риска, на который шли сознательно, понимая, как важны и ценны для Родины поступающие от них совершенно секретные или особой важности сведения. Таковы парадоксы профессии разведчика-нелегала: чтобы стать знаменитым, «прогреть» на весь мир, надо было «засветиться». А кто остался нераскрытым, кому с профессиональной точки зрения повезло больше, о тех мало кто знает и в России, и там, за кордоном. И вряд ли вообще когда кто-либо узнает, хотя по своему таланту, мужеству, профессиональному мастерству и ценности поступавшей от них информации и по всему тому, что можно назвать «высшим пилотажем» в разведке, они не только не уступали вышеназванным легендарным разведчикам, но и нередко превосходили их.

После выхода в свет моего двухтомника под названием «Нелегалы» бывший начальник управления «С» Первого главного управления КГБ СССР генерал Юрий Иванович Дроздов попросил меня написать книгу о тогда еще неизвестном уникальном разведчике-нелегале Иосифе Лаврецком, которого многие читатели знали как автора популярных книг из серии «Жизнь замечательных людей» — «Эрнесто Че Гевара», «Сикейрос», «Миранда», «Боливар», «Сальвадор Альенде», «Уильям З. Фостер» и другие. Подумав немного, генерал сказал: «Его можно смело назвать идеальным разведчиком. Он неоднократно доказывал, что и один в поле воин. Такой разведчик в любой другой стране составил бы гордость нации. Жизнь Григулевича — тема не для одной книги. Это был талантливый во всех своих проявлениях человек, я бы сказал «зубр» совет-

ской нелегальной разведки. Ему не было тогда, в двадцатом веке, и нет сейчас равных по линии ПР¹. Мне даже трудно сказать, кто он больше — разведчик или ученый? Писатель или редактор? После работы в разведке Иосиф Ромуальдович стал известным ученым, членом-корреспондентом Академии наук СССР и автором более 30 книг. В архиве СВР² хранится многоготовное дело «Артур», вот и запроси его с целью ознакомления и подготовки документальной книги. Надо действительно рассказать об этом блистательном разведчике, о котором после его бурной жизни насочиняли слишком много разных небылиц, и тем самым убрать массу лжи вокруг его имени...»

Когда генерал Дроздов назвал настоящую фамилию Лаврецкого, то я сообщил ему, что в начале 1980 года мне посчастливилось встретиться в издательстве «Молодая гвардия» и познакомиться с писателем Иосифом Лаврецким, который приходил тогда, чтобы заключить договор на переиздание своей книги «Боливар» в серии «ЖЗЛ». Я был представлен ему как начинающий литератор, принесший заявку на издание своей первой повести «Сотвори себя». Григулевич выглядел тогда типичным латиноамериканцем: карие глаза, смуглая кожа и темные с блестящим отливом волосы; среднего роста, ладно скроен и коренаст. Стоило послушать его каких-нибудь пять минут, и я сразу понял, что встретил яркую личность и человека универсальных знаний. Особенно поражала его внутренняя свобода, смелость суждений и оригинальность мышления. Такие люди обычно надолго врезаются в память, они интересны и дороги не только для тех, кто сопричастен к их судьбе, но и для их знакомых. То, что писатель Лаврецкий раньше был разведчиком-нелегалом, я тогда не знал и не скоро бы узнал, если бы он сам не рассказал мне как сотруднику 2-го Главного управления КГБ СССР о своей работе за рубежом.

Естественно, я заинтересовался его необычной судьбой и сказал, что очень хотел бы написать документальную книгу о его работе за кордоном и о тех строгих, жестоких временах со всевозможными ограничениями идеологического характера, но он категорически отказался: «Только после моей смерти!» Я отнесся к его заявлению с полным пониманием: конспиративность людей такой суперсекретной профессии, как разведчик-нелегал, всегда была непременным условием их безопасной жизни и работы за границей. И вряд ли вообще найдется какая-либо еще профессия, которая бы обрекала человека на полную безвестность, как при жизни, так и после смерти. Полистав тогда принесенную мною рукопись книги «Сотвори

себя», Григулевич сказал: «Хорошо, чтобы не уносить с собою в могилу тайны моей разведывательной работы и чтобы была у тебя фактурная заготовка для замышляемой книги, я готов на последующих встречах рассказать кое-что о моей зарубежной жизни. В ней, кстати, роковым образом отразилась трагедия всей советской разведки с несвойственными ей карательными функциями...»

С Григулевичем я встречался много раз, мы беседовали по несколько часов, и я все больше убеждался тогда, что передо мной великий разведчик и героическая во всех отношениях личность.

Имя Григулевича стало известным общественности лишь в конце XX века. Однако из-за отсутствия достоверной информации о нем тогда рождались всякого рода домыслы и слухи, появлялись «факты» как позитивного, так и негативного характера. В вышедшей в 1997 году книге «Энциклопедия военного искусства» (серия «Разведчики XX века») о Григулевиче говорилось: «Когда-нибудь мы все же узнаем всю правду об этом замечательном человеке, бескорыстно посвятившем себя Идее и впоследствии осознавшем, что не особенно был нужен взрастившей его Системе». Это далеко не так. Он был нужен той Системе.

Изучив многотомное архивное досье «Артура» за№ 78170, а также записав рассказы тех людей, которые знали его и контактировали с ним много лет, я беру на себя смелость утверждать, что советская «Система» никакого отношения к его «взрачиванию» не имела. Иосиф Ромуальдович родился в 1913 году в Тракае и сформировался как подпольщик в буржуазной Литве.

За революционную деятельность на территории Литвы и Западной Белоруссии дважды арестовывался и отбывал наказание в известной в те годы своей жестокостью тюрьме Лукишки. После освобождения снова попал в поле зрения полиции. Чтобы избавиться от надвигающейся опасности, ему пришлось покинуть Вильно и уехать в Варшаву, где ему была дана явка на конспиративной квартире. Волею случая на ней оказались участники Октябрьской революции, член исполкома Коминтерна Винцас Мицкявичус-Капсукас, полпред СССР в Польше Владимир Антонов-Овсенко и председатель ЦК МОПРа³ СССР Елена Стасова. По их рекомендации он был направлен с заданием нелегально распространять во Франции социалистические идеи, в основном через печатные органы, и заниматься в Париже организацией антифашистской про-

паганды. Работать же он должен был в польской секции Коминтерна в тесном контакте с такой же секцией во Французской компартии. Стасова, возвратившись в Москву, рассказала о своей встрече в Варшаве с Григулевичем начальнику внешней разведки Артуру Христиановичу Артузову, с которым она ранее работала в Петроградской ЧК. Фактически она навела Артузова на мысль о целесообразности привлечения молодого перспективного литовца к сотрудничеству за кордоном с советской разведкой. Как раз в это время к отъезду на нелегальную работу во Францию под видом австрийца словацкого происхождения, студента Сорбонны Карла Рошецкого готовился 24-летний сотрудник ОГПУ Александр Коротков. Артузов дал ему указание проверить новобранца Коминтерна по всем учетам и, если он чист, как стеклышко, взять в активную вербовочную разработку. Коротков так и поступил: после проверки по учетам он установил в Париже с литовцем Григулевичем личный контакт. К тому времени подпольщик из Вильно с французским паспортом на имя Мартина Эдмонда Антуана поступил в Высшую школу социальных наук и одновременно учился на подготовительных курсах при Сорбонне. Дважды в пригороде Парижа с Юзиком (подпольная кличка Григулевича в Литве) встретился помощник резидента в Париже Александр Коротков. Но довести дело до вербовки ему не представилось возможным. На третью встречу в Сен-Клу Мартин Эдмонд Антуан не явился: за два дня до планировавшейся вербовочной беседы он по срочному вызову проживавшего в Аргентине отца в связи с его резко ухудшившимся здоровьем выехал в морской порт Шербур, чтобы отплыть оттуда пароходом в Буэнос-Айрес. А теперь, со всей очевидностью, должна начаться глава первая.

ГЛАВА 1. ПРОНИКНОВЕНИЕ

Перед отъездом из Парижа Григулевич, не будучи уверенным в том, что ему удастся возвратиться во Францию, на всякий случай снялся с учета в парижском филиале МОПРа и попросил учетную карточку переслать в Буэнос-Айрес, а заодно и дать рекомендательное письмо, чтобы там в случае его невозвращения подключили бы оперативно без предварительной проверки к ведению политической деятельности.

Прожив у отца в провинции Энтре-Риос почти полгода, Григулевич получил направленную с курьером депешу от секретаря аргентинского филиала МОПРа Карла Духовного, вызывавшего его на связь в условленном месте Буэнос-Айреса. Когда Иосиф стал объяснять выздоровевшему к тому времени отцу, что должен вернуться во Францию, тот начал уговаривать его, чтобы он остался в Аргентине и нашел бы в ней свое поле политической деятельности. Пообещав подумать над его предложением, Григулевич отправился в Буэнос-Айрес.

Там с ним встретились и беседовали первые лица аргентинской компартии и филиала Коминтерна Витторио Кодовилья, Родольфо Гиольди, Муньес Диас и Карл Духовный. Они, как и отец, стали усиленно уговаривать его остаться в Аргентине и помочь им в борьбе с засильем немцев, с насаждаемым в стране фашистским «новым порядком» и с теми, кто разделяет нацистскую идеологию. Поняв, что местные партийные функционеры действительно нуждаются в его помощи и весьма заинтересованы в нем, Григулевич, овладевший к тому времени испанским языком, согласился с их предложением.

Через некоторое время ему были сделаны документы на имя аргентинца Хосе Ротти из провинции Энтре-Риос, где проживал его отец, имевший фабрику по производству лекарственных препаратов из диких трав. Для прикрытия своей нелегальной политической деятельности и поездок по стране Григулевич оформил себе удостоверение инспектора-контролера аптекарских магазинов от отцовской фабрики,

Новая политическая деятельность Хосе Ротти на латиноамериканском континенте началась с постоянных командировок по стране. Он побывал в девятнадцати из двадцати двух аргентинских провинций, в которых занимался не только

пропагандистской работой, но и участвовал в многочисленных дискуссиях по внутривнутрипартийным вопросам и в мобилизации общественного мнения против распространения «коричневой чумы» фашизма. За недозволенную политическую деятельность Хосе Ротти в числе других аргентинцев дважды арестовывался полицией.

Когда же фашизм проявил себя демонстративно в Испании и там началась гражданская война с мятежниками генерала Франко, Григулевич в ответ на призыв Исполкома Коминтерна встать всем на защиту Республики, не колеблясь, при финансовой поддержке отца и выданных послом Испании в Аргентине, известным на Пиренеях писателем-антифашистом Осорио-и-Гальярдо, документов на имя Хосе Окампо незамедлительно отправился в Барселону, а оттуда в Мадрид. Там он снова встретился со знакомым ему руководителем группы инструкторов Исполкома Коминтерна Витторио Кодовильо и генеральным секретарем ЦК испанской компартии Хосе Диасом. Они поселили его в отель «Гэйлорд» вместе с советским кинооператором из Москвы Романом Карменом, а на другой день представили командующему знаменитым Пятым полком республиканской армии, национальному герою Испании Энрике Листеру. Легендарный комполка распорядился назначить его своим советником по международным вопросам и одновременно политическим консультантом комиссара Контрераса. Тогда же Листер познакомил его с добровольцем из Мексики, командиром танкового подразделения Давидом Альфаро Сикейросом — известным художником-монументалистом. «Но поскольку аргентинскому милисиано⁴ с испанской фамилией Окампо придется участвовать и в боевых операциях, то направьте его сначала в военно-учебный центр», — распорядился Энрике Листер.

Месяц Григулевич учился стрелять из разных видов оружия, бросать гранаты из окопов и водить машину, потом с оценкой «отлично» окончил двухнедельные курсы младших командиров. А через день ему доверили уже командовать небольшой интернациональной группой в боевой оборонительной операции перед Университетским городком Мадрида. Была поставлена задача — не дать противнику захватить Толедский мост и войти по нему в столицу Испании. Боевое крещение коминтерновец Григулевич выдержал успешно, слава о его боевой группе мгновенно распространилась по всему Центральному фронту. Вскоре после этого его перевели на должность помощника начальника штаба Мадридского фронта.

Но Григулевич не тот человек, чтобы превращаться в «штабную крысу», ему удастся убедить начштаба генерала Висенте Рохо отпустить его на передовые позиции линии фронта. Назначенный командиром роты он принимает участие в самых жарких боях под Гвадалахарой, Бриуэгой, Сигуэнсой, Брунете и на Сарагосском направлении. После блистательной победы республиканцев в Бриуэгской битве командование Двенадцатой интербригады устроило званый ужин. На него были приглашены советники из Красной армии и органов госбезопасности СССР, военные писатели Эрнест Хемингуэй, Илья Эренбург и Михаил Кольцов.

Командующий Пятым полком Энрике Листер взял с собой на этот ужин и удачливого во многих боях командира роты Хосе Окампо, где и познакомил его с главным советником СССР в Испании по вопросам госбезопасности, резидентом советской разведки Александром Орловым. По окончании торжественного мероприятия Орлов предложил Окампо встретиться на другой день на улице Веласкеса, 63 при входе в штаб интербригад. Стреляный воробей, резидент Орлов ничего не делал просто так, все его поступки, поведение, беседы и даже слова преследовали определенную цель. На этот раз он решил склонить Григулевича к согласию перейти на службу в органы безопасности республиканской Испании, а потом и в советскую разведку. На этот шаг Орлов пошел только после того, как изучил Окампо через свои источники в штабе Центрального фронта и через Витторио Кодовильо, который сообщил ему биографические данные на подпольщика из Литвы, назвал все его клички, имена и фамилии, по которым он жил и вел политическую работу во Франции и Польше.

Когда же Кодовильо озвучил подлинную фамилию Окампо, то Орлов сразу же вспомнил своего помощника по нелегальной резидентуре в Париже Александра Короткова и неиспользованную им вербовку литовского подпольщика, исчезнувшего тогда неизвестно куда. «То, что не успел сделать Коротков во Франции, должен завершить я в Испании», — твердо решил резидент Орлов.

Однако Григулевич начал при встрече задавать лишние вопросы: «Почему именно мне вы предлагаете такую работу?»; «В делах госбезопасности я полный профан. Смогу ли?»; «Сможете! — надавил резидент. — У вас есть для этого прекрасные данные: во-первых, хорошее прошлое. Во-вторых, владеете несколькими иностранными языками. В-третьих, вы — человек, свободный от семейных забот. В-четвертых, вы умеете

те входить в контакт с незнакомыми людьми. А самое главное, что роднит вас с разведкой, — это опыт вашей нелегальной деятельности в разных странах по линии Коминтерна. И если ты, — Орлов перешел на «ты», — согласишься перейти на службу в комиссариат госбезопасности Хунты защиты Мадрида, так называемой Сигуридад, то ты автоматически становишься и нашим секретным сотрудником, как бы внедренным в эту Сигуридад. В ней ты будешь заниматься очень интересной и увлекательной работой. Например, выявлением франкистских пятиколонников и фалангистской агентуры, участвовать в арестах и следственных мероприятиях... А если у тебя не будет получаться, вернешься обратно на фронт командиром роты или в штаб генерала Рохо. Но я почему-то уверен, что у тебя все получится...»

Окампо-Григулевич над предложением главного советника госбезопасности СССР размышлял недолго. Он давно любил Россию и ее народ за преданность революционным идеалам, за смелое и настойчивое строительство общества социальной справедливости, равенства и братства. Тем более, это были и его идеалы, за которые он боролся с нелегальных позиций в Литве, Западной Белоруссии, Франции, Аргентине, а теперь и в Испании. Подумав минуты две, он принял предложение резидента Орлова.

В Сигуридад Хосе Окампо многие считали настоящим испанцем, а другие — латиноамериканцем. По внешнему виду и владению разговорной речью на испанском языке он ничем не отличался от них. Учитывая его широкие умственные способности, находчивость, хватку и смелость, его стали загружать интеллектуальной работой под самую завязку. Первое испытание ему пришлось проходить в тюремной камере в качестве подставного офицера к плененному франкистскому генералу Педро де Сильва. Играя роль только что захваченного в плен штабного майора, Григулевич сумел расположить к себе генерала и выведал необходимые сведения для полного разгрома его дивизии. Затем последовали разработанные им самим операции по внедрению в дипломатические учреждения и жилые помещения посольств Финляндии, Перу и Турции, в которых давно уже находились фалангисты и их пособники из «пятой колонны» со своим арсеналом оружия и даже с мастерскими по его ремонту и изготовлению ручных гранат и бомб.

Когда эти «гнезда» пятиколонников были ликвидированы, Григулевичу поручили розыск укрываемого анархистами отъявленного врага республиканцев, шефа столичного отделе-

ния фашистской партии «Испанская фаланга» Фернандеса де Куэсты. Выполнив и это задание, Григулевич командирован по просьбе Орлова с группой вооруженных боевиков в день первомайского праздника в столицу Каталонии. В ночь под второе мая туда должны были прибыть с фронтов анархисты и троцкисты так называемой Рабочей партии марксистского единства — ПОУМ, основателем которой являлся проживавший в СССР Андрес Нин, и совершить под его руководством барселонский мятеж. Была поставлена задача — блокировать прибывавших с фронтов путчистов, арестовать зачинщиков, похитить их лидера Андреса Нина и ликвидировать его, не оставляя при этом никаких следов. Обязательство прихлопнуть вождя ПОУМ взял на себя Орлов. Эта операция была успешно выполнена, а мятеж подавлен.

Советник генерального консула СССР в Барселоне Александр Орлов, он же резидент советской разведки в Испании, опасаясь, что на Григулевича может пасть подозрение по похищению и убийству троцкистского лидера Андреса Нина, решил выцарапать своего удачливого помощника из испанской Сигуридад. Под предлогом подготовки новой наступательной операции республиканцев Орлов попросил комиссара Хунты защиты Мадрида Сантьяго Каррильо отпустить Григулевича обратно в штаб фронта к генералу Рохо. Тот, понимая всю серьезность положения на Центральном фронте, не стал упрямиться и через несколько дней сообщил Орлову о переводе Хосе Окампо в Барселону в его личное распоряжение. «Это то, что надо мне, лучшего и не придумать», — обрадовался советский резидент.

Планировавшаяся генералом Рохо новая операция наступления под Брунете завершилась полным поражением республиканцев, которых подвела дивизия слабовольного генерала Сиприано Меры. Дивизия отказалась воевать и, предательски покинув линию фронта, оголила большой участок боевых действий. Докладывавший советнику по безопасности Орлову о причинах поражения под Брунете начальник испанской военной контрразведки Густав Дуран затронул, как бы случайно, вопрос о загадочном исчезновении Андреса Нина и сообщил о том, что его, как считают социалисты, похитила группа неизвестных лиц, среди которых, по их утверждению, был инспектор Сигуридад, по внешнему облику похожий на Хосе Окампо.

— Подозрение на него пало еще и потому, — пояснил Дуран, — что его почему-то поспешно убрали из Сигуридад.

Резидент Орлов, убедившись в том, что его опасения оказались ненапрасными, направил в Москву срочную телеграмму: